

Daria Ławrynow

ORCID 0000-0002-6064-353X

Instytut Języka Polskiego PAN, Warszawa, Polska

Образ мазура в славянской фольклорной языковой картине мира (на материале текстов польского, украинского и частично русского и белорусского фольклора)

Słowa kluczowe: stereotypy językowe, językowy obraz świata, stereotypy etniczne, folklor, światopogląd tradycyjny

Keywords: linguistic stereotypes, linguistic worldview, ethnic stereotypes, folklore, traditional world-model

Целью статьи является реконструкция образа мазура на материале украинского, польского, и частично русского и белорусского словесного фольклора. Анализу подвергаются анекдоты, сказки, народные рассказы и поговорки, на основе которых формировался славянский фольклорный языковой стереотип мазура.

Метод исследования опирается на концепцию языковой картины мира, созданной Е. Бартминским и Й. Мацькевич (Bartmiński 1999: 103–120, Maćkiewicz 1999: 7–24). Под языковой картиной мира понимается своеобразная интерпретация действительности, набор идей, ценностей, суждения и стереотипы мышления, отражённые в языке, т.е. вербализуемая «запись» опыта и мировоззрения говорящего (Bartmiński 1999: 103–120, Maćkiewicz 1999: 7–24). Фольклорная языковая картина мира будет пониматься как фрагмент общезыковой картины мира.

При этом фольклор можно считать своеобразным «зеркалом» народной модели мира, кодом, передающим архетипы, ценности, с помощью которого вербализуются и актуализируются архаические коннотации. Он, по словам В.А. Черваневой и Е.Б. Артеменко, «(...) является средоточием народных стереотипов сознания (...)» а «в функцию [фольклорной картины мира] входит не просто сохранение культурной информации, но и активное ее воспроизведение в социорегулятивных целях» (Черванева, Артеменко 2004: 7–9).

В статье сосредоточимся на составляющих языковой образ мазура, а также определим его место и роль в фольклорной языковой картине мира. Целью статьи ставим попытку вычислить те языковые характеристики, являющиеся наиболее типичными для образа *мазура* в фольклоре анализируемых групп.

Данные языковые характеристики будут рассматриваться в корреляции с историческими и общественными составляющими. Анализ текстов разных языковых групп в контексте вербализации народных стереотипов поможет реконструировать его местные варианты, и проследить, насколько исторические обстоятельства и межэтнические контакты отразились в польском, русском и украинском языках.

Этноним мазур в диалектах польского языка исследовался уже раньше (ср. Dzięgiel 2013; Тугра 2006). Проблемой польско-белорусских взаимных стереотипов, также отраженных в языке, занимался Радзик (Радзік 1997). Интересной в контексте сопоставительной лингвистики и этимологии является статья Е.Л. Березович и В.С. Кучко (2017). Она является пока единственной, где сравниваются данные разных славянских языков. Стереотип *мазур* частично исследовался также в работах, посвящённых литературе. Стоит отметить, что практически все статьи ограничены материалом одного языка (или его диалектальных вариантов). Отсутствуют работы, сравнивающие языковой и народный стереотип *мазура* на материале фольклора разных этнографических групп. В связи с вышеизложенным, данная статья является попыткой заполнить этот пробел, послужить толчком к дальнейшим расширенным исследованиям образа *мазура* в контексте языковой интерференции и культурной диффузии.

Для поляков и восточных славян мазур являлся народным типом, олицетворяющим разные ментальные черты, чаще всего подвергавшиеся насмешкам. Набор черт, составляющих его образ, мог варьироваться в зависимости от специфики региональной культуры, устойчивых стереотипов. Для поляков он «свой-чужой»: говорящий «странным», «испорченным» диалектом польского языка. Для украинцев, русских – он носитель другой культуры, веры, языка. В текстах является отдельным народным типом кроме другого польского персонажа – «ляха-пана». Последний в украинском фольклоре часто выступал синонимом врага или изменника (Зашкільняк 2009: 129–130, 132–133, Мишанич 2003: 408–409, Семенов 2004: 103, Silecki 2008: 141–145), приобретая более сильную негативную коннотацию.

Стоит отметить, что сам этноним *мазур* следовательно превращается в апеллатив, частично утрачивая свою этническую определённую (Bystroń 1995: 133–134, Тугра 2006: 182–185, Dzięgiel 2013: 117–118, Dzięgiel 2003: 42–43, Березович, Кучко 2017: 415–441, Радзік 1997). Это характерно как для польского, так и украинского и русского языков. В данном случае апеллативизация часто связана с приобретением негативной коннотации («невежда», ‘грязуля’, ‘мошенник’) (Тугра 2006: 187, Березович, Кучко 2017: 416–420).

Образ *мазура* составляют дополняющие друг друга народные и языковые стереотипы. Он создается с помощью языковых средств:

А) описывающих действие, способ поведения персонажа (*Wtedy Mazur wesół żyje, // Gdy tańczy i gdy bije* [Bystroń1995:140], *Skoro se podpija, // wnet*

chłopa zabiją [Wójcicki 1869: 47], Мазур через кілька літ завжди раз в рік тільки був в костелі [Левченко 1928: 158]],

Б) называющих черты характера (*śmiały* [Wójcicki 1869: 48], *wesół* [Bystroń 1995: 140]), также используя прием иронии (мудрый / *mądry* [Wójcicki 1869: 43, 45, Белова 2000: 228, Номис 1864: 61, Березович, Кучко 2017: 440–424], *bogaty* [Smoleński 1908: 137–138]),

В) включения в текст языковых единиц, считаемых свойственными манере говорения мазуров (*Kiedy na ras wciomastkich dybała pocwara, Tędurędu, do tej to wyskulichy* [Bystroń 1995: 142], *wirchu poświstackym zawjonzana* [Гнатюк 1899: 175], I ти быцкы угодуно, спродам і беньдзе маць пеньондзе [Гнатюк 1899: 182]).

В польской народной культуре образ *мазура* является неоднозначным. Мазовия долгое время находилась вне владений польских королей (вплоть до 1526 г.), иногда среди жителей наблюдались сепаратистские настроения (Samsonowicz 1989: 146–153, Palczewski 1985: 113–130, Gieysztor, Samsonowicz 1994: 221–226). В связи с тем мазовшане считались гордыми, своенравными. Большинство населения Мазовии составляли бедные представители шляхты (т.н. «голоата»), и именно они являлись самым популярным объектом насмешек. Для польской шляхты, кичившейся своими гербами, комической считалась гордыня убогих мазуров. Их называли «Hrabia de Golis//de Socha» (Golis – от голый, Socha – соха). Сочинялись песни, темой которых являлось убожество мазовецкой шляхты: *Co się Mazur ruszy // Z kaftana się kruszy: // Więc wasy odyma, // Rohatynę trzyma* (Wójcicki 1869: 47), *Jestem ja, Mazur, // Mazur bogaty; // Świcą się na prześlicne saty; (...) Mam ja i zupan zołty od swienta // co w nim mój pradziad pasał cielenta* (Smoleński 1908: 137). Даже те черты характера, которые обычно ценились польской шляхтой (отвага, набожность), комически гиперболизировались. К примеру, распространялись рассказы о том, что для мазура меньшим грехом считается убить человека, чем допустить случаи несоблюдения постов (Bystroń 1995: 143–144). Похвала отваги чередовалась с высмеиванием буйства: *Znaj Polaku pany, // Śmiałe Mazowszany; // Gotowi do boju, // W swadzie i pokoju: // A niewiele mierzą // Śmiejąc się uderzą* (Wójcicki 1869: 48), *Mam też sabelkę, ostro toconą // w kilku potrzebach już wysycrbioną // nierazem ja nio wywijał // jakim się z chłopami bijał // w karcmie na piwku...* (Smoleński 1908: 137). Боеспособность мазовшан подчеркивала поговорка, касающаяся непременных атрибутов войны: *Koń turek, chłop Mazurek, czapka magierka – szabla węgierka* (Wójcicki 1869: 44).

Мазур склонен также к выпивке и веселью. Народные песни и анекдоты представляют их как любителей местного пива, которым особенную радость приносят пляски и потасовки (ср. напр. *Wtedy Mazur wesół żyje, // Gdy tańczy i gdy bije* [Bystroń 1995: 140], (...) *że się każdy bije, // A zwłaszcza kiedy sobie napoły podrije* [Smoleński 1908: 143]).

В польском и восточнославянском фольклоре «чужость» мазура подчеркивается также соответственными образными выражениями: жители Мазовии обладают черным небом, рождаются слепые, под темной звездой,

от пса и суки или от сатаны (Bystroń 1995: 144–146, Белова 2000: 228)¹. Однако польские поговорки подчеркивали также особенный процесс «воззрения» Мазуров: *Ślepy Mazur do dziewiątego dnia, ale jak przejrzy, to wszystkich oszuka, Gdy mazurka oddadzą do dworu, to pierwszego roku wszyscy drwią z niego, drugiego on ze wszystkich, a trzeciego zaś zaczyna drwić z samego pana* (Adalberg 1889–1894: 293).

На формирование языкового образа мазура повлияло также развитие польской академической, сатирической и пародийной литературы, карнавальной культуры. В ней осмеивались особенности говора и мнимое невежество мазуров.

На «мазовецкий» лад сочинялись травестию религиозных текстов, таких как «псаломы», «колядки» или десять заповедей (все с XVII в.). Главный герой – мазур, пользуется грубым, комическим языком, что в сочетании с религиозной тематикой, создает гротесковый эффект: (...) *kiedyś ja na Pana wyrzempole osu, (...) w całym moim kałdunie mało co jest ducha* (Smoleński 1908: 140), *W kazdziej tarapacie wrzescałem do Pana (...) A Pan wnet jak oganką posamotal muchy, (...) Czwarte – w piątek mięsa nie żryj (...) Siódme: nie zabijaj cłeku cłeka ani kaźnią ani radę; maszli go zabić, wbij w ruśnicę cztery kule, niech się zdracanie morduje* (Bystroń 1995: 142). Последняя цитата указывает и на особенное отношение вспылчивого мазура к религиозным заповедям.

Похожего типа шутки, которыми польский дворянин дразнил мазовшан во время совместного пиршества, приводил писатель Ян Хризостом Пасек. Первый телячью голову называл «мазовецким папой», тесто – «мазовецким причастием» (Wójcicki 1869: 60–61). В свою очередь, в XVII веке жители Варшавы водку называли якобы «мазовецкой молитвой» (Krzyżanowski 1970: 418).

Мазовецкий диалект воспринимался поляками настолько непонятным и смешным, что даже сочинялись «справочники» слов, считаемых «мазурскими», напр. «Masovita. Słowniczek wyrazów gwary mazowieckiej», содержащие перечень польских слов с мазовецким переводом, а иногда с комментариями на латинском языке (ср. Erzepki 1896). Лексемы, приписываемые мазовецкому диалекту, чередуются со словами, характерными для пародийного творчества, напр. *gęba – pasieka, piwo – łykawka, strzelba długa – pukawka seu samopek* (Erzepki 1896:4–6).

Стоит отметить, что с XVII века приписываемая мазурам манера высказывания («мазурение») считалась грубой и смешной. Стилизация под нее стала популярным литературным приемом того времени (Banaś-Korniak 2011: 49–50, Karaś). В данном случае язык служил своеобразной характеристикой героя – наивного невежды, своеобразной «визитной карточкой» народного типа мазур (человека простого, но гордого). С течением времени языковая стилизация (прием «мазурения») стала устойчивым механизмом

¹ Похожая характеристика дается напр. русинами ляхам, поляками – русинам. По мнению О. В. Беловой это связано с народной традицией «демонизации», деперсонализации «чужого».

вербализации стереотипа (Bartmiński 1972: 5). Также в народном сознании белорусов персонаж мазура считается комическим – *гэтыя мазуры ўсё то на кпіны зроблены* (Радзік 1997).

Что интересно, в украинском фольклоре мазур чаще всего пользуется польским языком, иногда без «мазурения», но с чертами «польшизмы кресовой» (сужение безударных гласных *e, o*: *беди, кумунія, un ju* [Гнатюк 1899: 178, 179], *juz dosyć pozartyś, jescy mnie chces żyć? (...) ja wam pokazy* [Гнатюк 1903: 137]). В некоторых народных анекдотах также рядом имеются украинские и мазовецкие языковые особенности: *дав сценься, купю куроцку, в нас то дуже мыски сум* (Гнатюк 1903: 182, 183), а иногда черты польского литературного языка чередуются с «мазурениям»: *święty Ojce* (Гнатюк 1903: 177), (...) *kiedyz juz raz będzie to święto, on mię dręcakiem* (Временникъ Института..., 1870: 128).

Все это может свидетельствовать об языковой стилизации.

Вышеприведенные языковые приемы, а также в некоторых случаях включение в кириллический текст записи латиницей, указывали на чуждость героя – мазура. Также популярным мотивом украинских анекдот были диалоги русина и мазура. Их сюжетный стержень составляет проблема взаимного недоразумения, отсутствия общего языкового кода, что дает комический эффект (Гнатюк 1903: 175, 180, Народный календарь..., 1869: 78). Мазур и русин разговаривают на своих языках, а в записи реплик мазура иногда используется латиница. В тех анекдотах главным объектом насмешки является мазур, так как он плохо понимает язык собеседника, отвечает нелогически (Гнатюк 1903: 175, 180, Народный календарь..., 1869: 78). Кроме того, некоторые анекдоты высмеивают невежество мазуров, для которых русины «не люди» но либо звери, либо божи посланники (Гнатюк 1903: 179–180, Народный календарь..., 1869: 77).

В этом плане дополнением образа мазура можно считать фольклорные характеристики, касающиеся религиозной жизни героя. Мазур бывает в костеле *черес кілька літ завсїгда раз в рік* (Левченко 1928: 158), *два раза в костёле бывае: як ся народи и як помирае* (Кельсиев 1868), и часто не знает, как вести себя во время богослужения и исповеди (Левченко 1928: 158–162, Гнатюк 1903: 178, 180, 184, Временникъ Института..., 1870: 128). Его отношение к вере и обрядности также является особенным: мазур готов обмануть бога, надеясь получить помощь (Гнатюк 1903: 177)², исповедуется таким образом, чтобы ксендз отпустил ему, не догадываясь, что тот его обокрал (украл сало из горшка с горохом – *з ксьондзового гороху вигнав свиню, украл шапку из ризницы – прийшов до захрестії – то-м шапку зняв*) (Левченко 1928: 136–137). Украинский фольклор осмеивает также наивный, иногда меркантильный способ мышления. И так в некоторых украинских анекдотах рассказывает об молитвах обнищавшего мазура. В одном он просит точную сумму – сто дукатов, убеждая бога, что *али биз єдного (...) ни возьму!* (Левченко 1928: 161). Ксендзы решают пошутить над ним и подбрасывают ему девяносто девять дукатов,

² Ср. аналогичский анекдот мазовшан – курпов: *Jek Kurpś Pana Boga osukoł* („Literatura Ludowa” 1961: 72–73).

но мазур убегает с деньгами, а по дороге крадет пану шапку *за mego dukata* – считая, что тоже от бога. Во втором анекдоте убогий мазур просит шубу, а его молитвы надоедают органисту (Левченко 1928: 161–162). Последний притворяется богом, говоря, что не даст шубу потому, что молящийся – *дурак*. Мазур, думая, что разговаривает с богом, с яростью бросается на алтарь, гордо заявляя: *даш ни даш, а ни дурняй, бо я ни дуринь!* (Левченко 1928: 161–162)³. Другой фольклорный герой по-своему понял проповедь об оплате десятины. Он отдает на костел свою яловку ожидая, что бог ему *вернет вдесятеро* (Левченко 1928: 160–161). Когда яловка возвращается домой вместе с отарой ксендза – мазур не хочет возратить животных веря, что все они даны от бога.

Комизм своекорыстия и вспыльчивости мазуров высмеивает анекдот *Мазур та вивірка*, в которой один мазур убивает второго, неверно подозревая, что тот с жадности сам съел сырую белку (Левченко 1928: 270).

Вспыльчивый, отчаянный характер является устойчивой характеристикой фольклорного образа мазура. В белорусском фольклоре это отразилось в поговорках: *мазуру біцца, так як людзям хлеб з маслам ээсць, мазур каб і смерць угледзеў, то не ўтойцца* (Радзік 1997). Он не боится призраков и умерших и как единственный в деревне готов с ними драться целую ночь, а свою отвагу укрепляет спиртными напитками (Гнатюк 1899: 136–137). Но в варианте анекдота герой в злости «вызвал» мертвеца из гроба, а тот мстит ему, пугая до смерти (Гнатюк 1903: 181).

Мазур любит драки и ссоры. Во время исповеди он признается, что *Я то мам, жи хто неправду говорит, так догембы біе. За то, жи мам таку вельку злосьть* (Гнатюк 1903: 179). Другой *горячий* мазур сварится, а потом бьется с *холодным* русином, чем потом хвастается перед семьей: *on mię dręcakiem kiedyś niekiedyś: hop! a ja jego poświstakiem zawdy: ćwik! ćwik! ćwik!* (Временникъ Института..., 1870: 128). Как мы видим, характеристика мазура дается через прилагательное (*горячий*, и его антоним по отношению к противнику – *руси-ну*), через описание действия (*Мазуръ собъ нужь кольканадцять разъ батогомъ Русина!*) и через использование языковой стилизации в репликах героя. Об страсти к дракам, но и мнимой отваге упоминает приводимая Иваном Франко украинская поговорка: *Казали: Мазура забито, а Мазур ся умкнув під свиняче корито* (Франко 1908: 371). В белорусском фольклоре, в свою очередь, имеется легенда, по которой «мазурская» манера говорения является эффектом драки с чертом, в который тот выбил зубы «первопредку мазуров» (Березович, Кучко 2017: 426).

Мазура характеризовала и склонность к гулянке, он то анно да гуляння зух (Радзік 1997), часто пьет спиртное (Левченко 1928: 159–160, Гнатюк 1899: 136–137). Отголоском данного стереотипа могут быть денотации некоторых русских диалектных слов с корнем *мазур-*: новг. *мазу́рик*, *мазу́ра*, влг. *маздурік* – ‘шалун, озорник’, пск. *мазу́рик* ‘пьяница’, перм., пск. *мазурик*, ‘нахал, наглец’,

³ В другом варианте герой не позволяет называть себя дурнем потому, что он является представителем шляхтского сословия (ср. Левченко 1928: 162).

‘смешник, весельчак’, и производные, напр. яросл. *мазурить* ‘шумно веселиться’, влг., карел., ленингр., новг., пск., твер., яросл. *мазурничать* ‘озорничать, шалить, хулиганить’, пск. *мазурка* ‘своенравная женщина’, пск. *мазурик* ‘бутылка водки 0,25 л’, карел. *мазуричек* ‘бутылка спиртного емкостью в сто граммов’ (Березович, Кучко 2017: 432, 439).

Осмеивались также кулинарные пристрастия. Мазуры любили крепко поест, но из-за убожества не всегда могли себе это позволить. Некоторые анекдоты рассказывают об мазуре, который на Святой Вечер заболел от обжорства, но на год позже не мог дожидаться праздника, когда ему *ani dosiedzieć, ani dolezeć* (Временникъ Института..., 1870: 128). В других примерах комически изображаются герои, которые по невежеству или из-за нищеты едят все «нечистое»: землю, жаб, мышей, червяков, ядовитые растения (Гнатюк 1903: 180, Левченко 1928: 271, 580)⁴.

В русском народном сознании стереотип мазура главным образом проявляется на лексическом уровне. Его негативный образ проник в русский язык вероятно под влиянием украинского и белорусского фольклора. Однако стоит отметить что уже раньше существовали лексемы *мазур/музур*, обозначающие бродягу, морского разбойника, наемного матроса или казака-гребца (Березович, Кучко 2017: 434–436, Филин 1982:306, Ленивов 1971: 97). В таком значении собирательный образ *мазурушок* встречается в казачьих разбойничьих песнях (Песни, собранные П.В. Киреевским..., 1864: 23, 25–28, 30–32, Народные песни..., 1890: 497, Путилов, Добровольский 1960: 507, Михайлина 2009: 92).

Также в русском свадебном фольклоре, аналогично украинскому и белорусскому персонаж мазура иногда символизировал «чужого», пришельца извне (Березович, Кучко 2017: 437). Однако русский фольклор не создал самостоятельного народного типа *мазур*, как это имело место у поляков, украинцев и белорусов. Источником местного стереотипа являются, прежде всего, просторечные лексические факты. К мазуру приписаны такие черты как мошенничество, плутовство, склонность к скандалам и разбойничеству. Он – уличный вор, жулик или главарь воровской банды (Березович, Кучко 2017: 428–431, Даль 2014: 2760, Грачев 2005: 21–23, 42).

Подытоживая анализ, следует подчеркнуть, что образ мазура является существенным элементом польской и украинской, а частично и белорусской фольклорной языковой картины мира. В свою очередь, для русской языковой картины мира он является элементом вторичным, несамостоятельным.

На основе приведенного выше материала, можно определить следующие черты, приписываемые *мазуру*: невежество, гордость и высокомерие, убожество, отвага, буйство, импульсивность, склонность к пьянству, простонародное отношение к законам веры, ловкость.

⁴ Ср. в словаре В.И. Даля *мазырить* «привередничать в пище, выбирать лакомые кусочки» (Даль 2014: 2760).

Bibliografia

- Adalberg S., 1889–1894, *Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*, Warszawa.
- Banaś-Korniak T., 2011, *Ambiwalencje znaczeń: o językowych eksperymentach sowizdrzałów*, [w:] D. Rott, P. Wilczek, B. Stuchlik-Surowiak (red.), *Liber amicorum professoris Ioannis Malicki*, Katowice, s. 41–53.
- Bartmiński J., 1999, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Językowy obraz świata*, Lublin, s. 103–120.
- Bartmiński J., 1972, *Poetycka funkcja mazurzenia w folklorze nad górnym Wieprzem*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Nauki Filozoficzne i Humanistyczne” 27, s. 1–15.
- Bystroń J.S., 1995, *Megalomania narodowa*, Warszawa.
- Dzięgiel E., 2003, *Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich*, Warszawa.
- Dzięgiel E., 2013, *O losach etnonimów „Lach” i „Mazur” na dawnych Kresach południowo-wschodnich*, [w:] E. Dzięgiel, T. Korpysz (red.), *Niejedno ma imię... Prace onomastyczne i dialektologiczne dedykowane Profesor Ewie Wolnicz-Pawłowskiej*, Warszawa, s. 117–132.
- Erzepki B., 1896, *Masovita. Słowniczek wyrazów gwary mazowieckiej*, Poznań.
- Gieysztor A., Samsonowicz H., 1994, *Dzieje Mazowsza do 1526 roku*, Warszawa.
- Karaś H., *Sposoby wprowadzania gwary do utworu literackiego i jej funkcje*, <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=podstawy-dialektologii&l2=sp%C3%B3soby-wprowadzania-mwr> (dostęp: 12.11.2021).
- Krzyżanowski J. (red.), 1970, *Nowa księga przysłów polskich*, t. II, Warszawa.
- Maćkiewicz J., 1999, *Co to jest „językowy obraz świata”*, „Etnoligwistyka” 11, s. 7–24.
- Palczewski M., 1985, *Problem „separatyizmu mazowieckiego” w historiografii polskiej*, „Przegląd Historyczny” 76, z. 1, s. 113–130.
- Samsonowicz H., 1989, *Przesłanki tworzenia się narodu mazowieckiego na przełomie XV i XVI wieku*, [w:] M. Kula (red.), *Narody. Jak powstawały i jak wybijały się na niepodległość*, Warszawa, s. 146–153.
- Silecki J., 2008, *Stereotyp Polaka w tradycyjnym światopoglądzie Ukraińców*, „Postscriptum Polonistyczne” 1 (1), s. 135–146.
- Smoleński W., 1908, *Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej*, Kraków.
- Tyrpa A., 2006, *Losy etnonimu Mazur*, [w:] J. Duma (red.), *Onomastyka regionalna*, Olsztyn, s. 181–193.
- Wójcicki K.W., 1869, *Szkice historyczne i z domowego życia niedawno ubiegłej przeszłości*, Kraków.
- Белова О.В., 2000, «Лях-девятьденник» и «москаль-людоед» (представления этнических соседей друг о друге), [в:] А. Хорев (ред.), *Поляки и русские в глазах друга друга*, Москва, с. 226–230.
- Березович Е. Львовна / Кучко В. Станиславовна, 2017, *Еще раз об этимологии рус. мазурик ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях)*, *Slověne* 1, с. 415–441.

- Гнатюк В., 1899, *Етнографічний збірник*, т. VI: *Галицько-руські анекдоти*, Львів.
- Гнатюк В., 1903, *Етнографічний збірник*, т. XV: *Знадобидо Галицько-руської демонології*, Львів.
- Зашкільняк Л. (ред.), 2009, *Історичні міфи і стереотипи та міжнаціональні відносини в сучасній Україні*, Львів.
- Левченко М., 1928, *Казки та оповідання з Поділля: в записках 1850–1860-их рр.*, вип. 1–2, Київ.
- Мишанич С.В., 2003, *Фольклористичні та літературознавчі праці*, т. 2, Донецьк. *Народный календарь на роки звичайний 1870*, (1869), Львов.
- Номис М., (спор.), 1864, *Українські приказки, прислів'я і таке инше*, С.-Петербург.
- Радзiк Р., 1997, *Палякі – Беларусь: узаемныя стэрэатыпы ў XIX і XX ст. (да 1939 г.)*, «Беларускі гістарычны агляд» 4, сш. 1–2 (6–7), http://www.data.minsk.by/bhr/bel/6-7/67_3.html (дата обращения: 12.11.2021).
- Семенов О., 2004, *Украинский фольклор*, Глухів.
- Франко І., 1908, *Етнографічний збірник. Галицько-руські народні приповідки*, Львів. *Временникъ Института ставропигійского съ мѣсяцесловомъ на годъ простой 1870*, (1870), Львов.
- Грачев М.А., 2005, *От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргон*, Санкт-Петербург.
- Даль В., 2014, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва.
- Кельсиев В. Иванович, 1868, *Галичина и Молдавия. Путевые письма*, Санкт-Петербург, <http://malorus.ru/ukrstor/kelsiev.htm> (дата обращения: 12.11.2021).
- Ленивов А., 1971, *Донской казачий словарь – лексикон (Исторические исследования)*, Мюнхен.
- Михайлина В. Юрьевич (ред.), 2009, *Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов*, Саратов / Санкт-Петербург.
- Песни, собранные П.В. Киреевским изданы Обществом любителей российской словесности*, вып. 6, 1864, Москва.
- Путилов Б. Николаевич, Добровольский Б. Михайлович (сост.), 1960, *Исторические песни XIII–XVI веков*, Ленинград.
- Филин Ф. Петрович (ред.), 1982, *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 9, Москва.
- Черванева В. Алексеевна, Артеменко Е. Борисовна, 2004, *Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров)*, Воронеж.

Mazurs creation in Slavic folk linguistic view (on the basis of Polish, Ukrainian and partly Russian and Belarusian folklore materials)

Abstract

The main thesis put forward in this article is the question of folk linguistic view of Mazur in the examples of Polish, Ukrainian, Belarusian and Russian folklore. The question are analyzed on the basis of folklore materials: anectodes, traditional oral folk stories, adages and fairy tales. The research method is based on Bartminski's and J. Matskevichsconcept

of linguistic worldview. Linguistic worldview is understood as a kind of interpretation of reality and group of ideas reflected in language. Folklore is understood as reflection of popular worldview, system of beliefs and ethnic stereotypes. This article focus on a reconstruction of Mazurs linguistic creation, and also try to define his role in Slavic folk linguistic view.